

Кто платит за ошибку ИИ

Галлюцинации нейросетей, ответственность юриста и адвокатская тайна

Вы уже пользуетесь нейросетью. Вопрос только в том, что произойдёт, когда она ошибётся, а вы не заметите.

В 2026 году суды начали штрафовать за выдуманные ссылки — вплоть до штрафа лично на представителя. Верховный Суд сформулировал: позиция готовится на свой риск. Регресса к разработчику нет. Отвечает тот, кто подписал.

Книга не учит пользоваться нейросетями. Она о том, чем вы за это отвечаете — и что сделать за минуты, чтобы не отвечать.

Без азов и сборников промптов. Девять приложений с готовыми документами.

Россия и Беларусь

Борис Лев

Борис Лев

Кто платит за ошибку ИИ

<https://litres.ru/74489064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы уже пользуетесь нейросетью. Вопрос только в том, что произойдёт, когда она ошибётся, а вы не заметите. В 2026 году суды начали штрафовать за выдуманные ссылки — вплоть до штрафа лично на представителя. Регресса к разработчику нет, отвечает подписавший. Книга не о том, как пользоваться ИИ, а о том, чем юрист за это отвечает и что сделать за минуты, чтобы не отвечать. Без азов и промптов. Россия и Беларусь.

Содержание

Кто платит за ошибку ИИ	5
Галлюцинации нейросетей, ответственность юриста и адвокатская тайна	5
Оглавление	7
Введение	9
Эта книга начинается там, где заканчиваются остальные	9
Почему именно сейчас	10
Для кого	11
Две юрисдикции и асимметрия между ними	12
Что внутри	14
Как читать примечания	16
Предупреждение	17
Глава 1. Карта отказов	18
Таксономия вместо архитектуры	18
Режим первый: выдуманный объект	19
Режим второй: приписанное содержание	21
Режим третий: подстройка под собеседника	23
Режим четвёртый: дрейф контекста	25
Режим пятый: псевдоарифметика	26
Режим шестой: устаревание	28
Карта риска	29
Вторая ось карты: что именно выдумывается и	30

кто это приносит	
Стык юрисдикций	34
Почему уверенность тона ничего не значит	36
Образец: одна галлюцинация целиком	37
Коротко	46
Примечания к главе 1	48
Глава 2. Отвечает подписавший	52
Полгода, которые закрыли вопрос	52
Перебор кандидатов	55
Разработчик модели	56
Доверитель	58
Остаётся подписавший	59
Четыре канала	60
Канал первый: процессуальный	61
Канал второй: договорный	63
Канал третий: дисциплинарный	64
Канал четвёртый: репутационный	65
Все четыре сразу	66
Если ошибка уже в деле	68
Беларусь: отсутствие практики не является защитой	70
Что именно вы будете доказывать	72
Инструмент первый: след проверки	73
Инструмент второй: прозрачность	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Борис Лев

Кто платит за ошибку ИИ

Кто платит за ошибку ИИ

**Галлюцинации нейросетей,
ответственность юриста
и адвокатская тайна**

Россия и Беларусь

Борис Лев

Все ссылки на нормативные акты и судебные акты приведены по состоянию на сентябрь 2026 года и снабжены примечаниями с реквизитами.

О применении искусственного интеллекта при подготовке книги. Книга, которая предлагает юристу раскрывать применение ИИ перед доверителем и быть готовым ответить на вопрос суда, начинается с себя. При подготовке рукописи языковые модели применялись как вспомогательный инструмент — для поиска источников, структурирования материала и работы над текстом. Правовые позиции, оценки и выводы принадлежат автору. Ответственность за содержа-

ние несёт автор — по тому самому правилу, которое изложено в главе 2.

Оглавление

Введение

Глава 1. Карта отказов

Глава 2. Отвечает подписавший

Глава 3. Тайна доверителя: два режима вместо одного

Глава 4. Как утечка вскрывается

Глава 5. Ущерб: типология, исчисление, доказывание

Глава 6. Чем вы владеете: интеллектуальная собственность и ИИ

Глава 7. Протоколы проверки

Глава 8. Контур и регламент: когда дисциплины уже недостаточно

Глава 9. Доказательства, созданные ИИ

Послесловие

Приложения

Часть первая. Документы организации

•

А. Регламент применения искусственного интеллекта

•

Б. Чек-лист обезличивания

•

В. Порядок действий при инциденте и реестр

Часть вторая. Условия в договорах

Г. Условие о применении ИИ в соглашении с доверителем

Д. Информирование о рисках передачи персональных данных

Е. Оговорка об ИИ в соглашении о конфиденциальности

Часть третья. Инструменты в работе

Ж. Проверка перед подписанием

З. Заявление о фальсификации доказательства

И. 25 рабочих процедур

Нормативные акты и источники

Указатель

Об авторе

Введение

Эта книга начинается там, где заканчиваются остальные

Про искусственный интеллект для юристов написано достаточно: руководства о том, что такое языковая модель, сборники промптов по пятьсот штук, обзоры сервисов, которые устареют раньше, чем вы дочитаете.

Ничего из этого здесь не будет.

Я исхожу из того, что вы уже пользуетесь. Что у вас есть подписка, что вы отдаёте модели черновики и знаете, как сформулировать задачу. И что в какой-то момент вы поймали себя на вопросе, ответа на который нет ни в одном общем руководстве: **а что, собственно, будет, если она ошибётся, а я не замечу?**

Эта книга — про ответ. Она не о том, как пользоваться. Она о том, чем вы за это отвечаете, чем в результате владеете и как построить работу так, чтобы не пришлось объясняться.

Почему именно сейчас

Ещё год назад разговор об ответственности за ошибку ИИ шёл в сослагательном наклонении: мы пересказывали американские истории про придуманные судебные решения и сходились на том, что своей практики нет.

За первое полугодие 2026 года практика появилась. Ниже разобраны три акта — те, что мне удалось найти и сверить; не исключаю, что их больше, поскольку далеко не каждое такое определение попадает в профессиональные издания. Каждый следующий из этих трёх жёстче предыдущего, вплоть до постановки вопроса о судебном штрафе лично на представителя. И вместе с ней появилась формула, которую придётся усвоить всем: сторона, готовящая позицию с опорой на программное обеспечение, делает это **на свой риск**.

Разберём её в первой же содержательной главе. Пока обратите внимание на конструкцию: риск, а не вина. Вопрос «я же не знал, что она выдумывает» в этой формуле юридически не задаётся.

Для кого

Для адвоката, юриста фирмы и инхауса, которые применяют ИИ в ежедневной работе и отвечают за результат перед доверителем, судом и — если вы адвокат — перед палатой.

Не для тех, кто выбирает, начинать ли. Этот выбор вы уже сделали.

Две юрисдикции и асимметрия между ними

Книга написана для России и Беларуси, и рамка эта рабочая.

Расстановка в них разная. В России за 2026 год сложилась судебная практика, ужесточилось законодательство о персональных данных, идёт профессиональная дискуссия на уровне палаты. В Беларуси прямых судебных актов по этой теме, доступных мне в открытых источниках, обнаружить не удалось.

Отсутствие практики — не защита, и это один из сквозных тезисов книги. Нормы, по которым наступает ответственность, специальными не являются: качество юридической помощи, личное исполнение обязательства, возмещение убытков, обязанность хранить тайну существуют в обоих правопорядках и не требуют упоминания искусственного интеллекта, чтобы применяться. А в отдельных вопросах — в частности, в трансграничной передаче персональных данных — белорусская конструкция строже российской.

Отсюда практический режим, который я предлагаю каждому, кто работает в обеих странах: **держите стандарт по более строгой юрисдикции**. Требования двух стран сближаются, и сближаются они не по мягкой планке, а по жёст-

кой: более строгое правило одной юрисдикции со временем появляется и в другой, а не наоборот. Работа по слабейшему из двух стандартов означает, что переделывать процедуры придётся дважды.

Что внутри

Книга устроена как последовательность рисков, а не как учебник.

Сначала — **карта отказов**: шесть режимов, в которых модель ошибается, и почему опаснее всего не выдуманная ссылка, а настоящая с приписанным ей содержанием.

Затем — **ответственность**: кто платит за ошибку ИИ, почему регресса к разработчику нет и что именно вам придётся доказывать.

Дальше — **тайна доверителя**: два правовых режима вместо одного, трансграничная передача данных, светофор зон. И отдельная глава о том, **как утечка вскрывается**, — включая каналы, по которым её обнаруживают без доступа к вашему компьютеру.

Затем — **ущерб**: какие ошибки превращаются во взыскиваемый убыток, какие нет и почему главный денежный удар приходит со стороны, откуда его не ждут.

Отдельная глава — **интеллектуальная собственность**: чем вы владеете из созданного с ИИ, что передаёте клиенту и где рвётся цепочка прав.

Затем — **протоколы и архитектура**: что делать руками и как устроить работу так, чтобы дисциплина не зависела от вашей усталости.

И последняя глава — **доказательства, созданные ИИ**:

что делать, когда инструмент применили не вы, а против вас.

Как читать примечания

Каждое утверждение о норме или судебном акте снабжено примечанием с реквизитами. Там, где акт не завершён рассмотрением или где редакция нормы менялась недавно, это сказано прямо.

Это не педантизм. Книга, которая требует от читателя исходить из презумпции, что приведённая ссылка не существует, пока он её не открыл, обязана соответствовать этому требованию сама. Проверяйте за мной. Именно этому книга и учит.

Предупреждение

Ни одна её глава не сделает вашу работу безопаснее сама по себе.

Всё, что здесь написано, сводится к нескольким процедурам, каждая из которых занимает минуты: обезличить перед отправкой, открыть каждый источник и сверить содержание, пересчитать любую цифру независимо, сохранить черновик машины отдельным файлом.

Эти минуты — единственное, что отделяет юриста, применяющего мощный инструмент, от юриста, объясняющего суду происхождение несуществующего пункта постановления Пленума.

Начнём с того, как именно она ошибается.

Глава 1. Карта отказов

Таксономия вместо архитектуры

Устройство языковых моделей вам не нужно — как не нужно знать устройство двигателя, чтобы водить. Нужна **таксономия отказов**: перечень режимов, в которых модель врёт, с признаками каждого и с ответом на вопрос, ловится он вашей обычной проверкой или проходит сквозь неё.

Механизм, из которого всё следует, уместается в абзац. Модель не извлекает информацию из базы — она предсказывает правдоподобное продолжение текста. Состояния «я не знаю» у неё нет, потому что правдоподобное продолжение существует всегда: если настоящего дела под вашу позицию не нашлось, статистически безупречный номер, суд и дата соберутся из типичных номеров, судов и дат. Каждый кирпичик безупречен, здания не существует.

Это не сбой, а нормальная работа механизма на задаче, где правдоподобия недостаточно. Ждать, что «в следующей версии починят», бессмысленно. Модели врут реже и тоньше — и это повышает требования к дисциплине, а не снижает: редкая ошибка усыпляет сильнее частой.

Шесть режимов. Первые два выглядят одинаково и различаются по опасности на порядок.

Режим первый: выдуманный объект

Модель приводит судебный акт, норму или пункт постановления Пленума, которых не существует.

Вот как это выглядит — пример сконструирован специально, чтобы вы рассмотрели анатомию подделки:

Данный подход подтверждается постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 марта 2024 г. по делу № А56-118742/2023, в котором суд указал, что несоразмерность неустойки подлежит оценке с учётом фактического периода просрочки.

Разберите по элементам. Суд существует. Формат номера дела правильный: индекс А56 действительно соответствует Санкт-Петербургу и Ленинградской области, порядковый номер и год оформлены как положено. Дата правдоподобна. Правовая позиция звучит разумно и, скорее всего, где-то действительно высказывалась.

Не существует только самого акта. Номер подобран произвольно, и если в картотеке найдётся дело с тем же номером, оно окажется совсем о другом — а это уже переход к режиму второму.

Модель не «придумала» его в человеческом смысле. Она собрала реквизит из тысяч настоящих реквизитов, а форму-

лировку — из тысяч настоящих формулировок. Именно поэтому подделка неотличима на глаз: в ней нет ошибки, есть только отсутствие референта.

Ловится элементарно — открыть картотеку и убедиться, что дела нет. Минута на ссылку. Это самый известный и наименее опасный из шести режимов.

Режим второй: приписанное содержание

Акт существует. Суд, номер и дата настоящие. Вывод, который модель ему приписывает, в нём отсутствует.

Механика в трёх шагах, и она объясняет, почему режим так живуч.

Вы спрашиваете про момент начала течения срока исковой давности по повременным платежам. Модель находит в своей памяти реальное дело — по нему действительно был спор об исковой давности. Дальше она предсказывает, какой вывод *должен* содержаться в акте с таким номером по такому вопросу. Вывод получается правдоподобным, потому что собран из настоящих выводов по настоящим делам этой категории. Но в этом конкретном акте суд обсуждал не начало течения срока, а его перерыв.

Вы открываете картотеку. Дело есть. Стороны те. Категория спора та. Вы ставите галочку и идёте дальше — **и именно здесь режим вас проходит**.

Ловится он только сверкой содержания: открыть текст акта и найти в нём приписанный вывод. Не «что-то похожее», а именно тот тезис, который вы собираетесь процитировать.

Разница не теоретическая. В российских делах 2026 года суды устанавливали и ссылки на несуществующие акты,

и ссылки на существующие акты, не содержащие приписанных им суждений, и квалифицировали то и другое одинаково — как неуважение к суду [1].

И оба режима работают не только на праве. Точно так же модель придумывает свидетеля, которого в деле не было, и приписывает реальному свидетелю показания, которых он не давал: механика та же, но проверяется это уже не по справочной системе, а по протоколу. Разбор такого эпизода — в главе 2.

Первый режим стоит минуты проверки, второй — пяти. Экономия этих четырёх минут и есть та экономия, за которую штрафуют.

Режим третий: подстройка под собеседника

Модели дополнительно настраиваются на человеческие оценки: люди размечают ответы, модель учится давать те, что нравятся. Возражение нравится статистически меньше, чем поддержка. Модель это выучила.

Посмотрите, как один и тот же вопрос даёт противоположные ответы в зависимости от того, что в нём заложено.

Запрос А. Договор поставки от 10 января 2023 года, последняя поставка 15 марта 2023 года, оплата не произведена. Я подаю иск в апреле 2026 года. Подтверди, что срок исковой давности не пропущен.

Ответ: Да, вы правы. Течение срока следует исчислять с момента, когда вы узнали о нарушении права...

Запрос Б. Та же фабула. Найди все основания считать, что срок исковой давности пропущен, и оцени, какие из них использует оппонент.

Ответ: Основной риск в том, что срок начал течь с даты, когда обязательство подлежало исполнению...

Фабула одна. Содержательный вывод противоположный. Разницу создал не анализ, а то, какой ответ был заложен в формулировку вопроса.

Опаснее обеих галлюцинаций вместе взятых это по одной

причине: **вы обращаетесь к модели именно тогда, когда хотите проверить свою позицию.** Просили проверку — получили своё отражение и приняли его за независимое подтверждение.

Никогда не спрашивайте у модели, права ли модель. Формулируйте так, чтобы желаемого ответа в запросе не было: не «подтверди, что срок не пропущен», а «найди основания считать, что пропущен»; не «проверь мою позицию», а « выступи процессуальным оппонентом и разбей её».

Режим четвёртый: дрейф контекста

В длинном диалоге ранние условия теряют вес.

Как это выглядит: в третьем сообщении вы задали Беларусь. В седьмом уточнили, что интересуется редакция после 1 января 2026 года. К двадцатому вы спрашиваете про порядок обжалования — и получаете подробный, грамотный ответ со ссылками на Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Которого в Беларуси нет и не было.

Ответ при этом выглядит нормальным: он не противоречит сам себе, в нём нет сбоя. Модель просто вернулась к самому частому варианту в обучающих данных, а самый частый — российский.

Ловится вниманием к рамкам, которые вы задали сами. Приёмы: повторять ключевые ограничения в свежем сообщении каждые десять-пятнадцать реплик, а важную работу начинать новым диалогом, а не продолжать вчерашний.

Режим пятый: псевдоарифметика

Модель, безупречно рассуждающая о правовой конструкции, ошибается в расчёте неустойки чаще невнимательного стажёра: она не вычисляет, а предсказывает, как выглядит результат вычисления.

Конкретно. Неустойка 0,1 % в день от суммы 2 400 000 рублей. Срок исполнения истёк 14 марта 2026 года, следовательно просрочка течёт с 15 марта; расчёт заявляется по 20 июня включительно. Правильный ответ: 98 дней, 235 200 рублей. Типичный ответ модели: «примерно 94 дня», «около 225 000». Расхождение — 9 600 рублей, и оно попадает в просительную часть.

Обратите внимание на формулировку условия: она специально задаёт день, с которого течёт просрочка. Пример расчёта, в котором это не указано, сам содержит неопределённость — и спор пойдёт уже не о работе модели, а о том, включается ли первый день.

Ошибка почти всегда в периоде, а не в ставке: модель «округляет» границы месяцев, теряет день включительно, путает начало течения. Проценты и пени по той же причине.

Дороже всего — **сроки**. Расчёт срока модель делает охотно и убедительно, а пропущенный срок относится к той редкой категории, где убыток доверителя доказывается почти автоматически.

Ловится независимым пересчётом. Совпало — используем, разошлось — верим калькулятору. Требуйте пошагового расчёта с явным указанием периода, ставки и базы: тогда расхождение видно за минуту.

Режим шестой: устаревание

Знания модели заканчиваются на дате завершения обучения. О том, что было позже, она не знает — но расскажет, и тем же уверенным тоном.

Для юриста это ежедневный риск. Два примера из тех, что разбираются в этой книге. Порядок трансграничной передачи персональных данных в России стал уведомительным с 1 марта 2023 года, а критерий адекватной защиты уточнён в июле 2026-го. Административная ответственность в той же области существенно ужесточена с 30 мая 2025 года: появились самостоятельные составы за утечку и оборотные штрафы [2]. Модель, обученная до соответствующей даты, воспроизведёт прежнюю редакцию — грамотно, связно и неправильно.

Ловится вопросом «какая редакция?», заданным себе, а не модели.

Карта риска

Отказы распределены неравномерно. Зоны концентрации:

Реквизиты и цитаты — номера статей, названия и номера дел, даты, пункты пленумов, любой текст в кавычках.

Цифры и сроки — см. режим пятый.

Редкое — чем меньше текстов о предмете модель видела, тем охотнее заполняет пустоту: узкие отрасли, локальная практика небольших регионов, специфические процедуры.

Свежее — см. режим шестой.

Стык юрисдикций — отдельно, потому что для читателя этой книги это рабочий режим, а не экзотика.

Вторая ось карты: что именно выдумывается и кто это приносит

Шесть режимов выше отвечают на вопрос «как модель ошибается». Есть второй вопрос, практически не менее важный: **что именно оказывается выдуманным и через чьи руки оно попадает в дело.** Ответ на него определяет, чем вы это ловите, — и здесь привычка «проверять ссылки» закрывает лишь часть поля.

Соберём наблюдаемые направления. Примеры взяты из практики нескольких стран; иностранный акт норм у нас не создаёт и приводится как описание механизма, а не как источник права [3].

Что выдумано

Кто принёс в дело

Чем проверяется

Норма закона, которой нет

орган расследования

текст кодекса в справочной системе

Судебный акт, которого нет

представитель стороны

картотека дел

Содержание существующего акта
представитель стороны
текст самого акта

Факты дела, показания, свидетели
защитник
протокол и материалы дела

Ведомственный акт, которого нет
государственный орган
официальный сайт ведомства

Мотивировка судебного акта
сам суд
ваша проверка полученного решения

Пройдём по строкам, которых нет в российской практике,
— именно они показывают, куда это движется.

Выдуманная норма от органа расследования. В мае 2025 года в магистратском суде Хадеры (Израиль) полиция подала письменные возражения против возврата изъятого телефона по делу об отмывании денег. Возражения опирались на нормы, которых не существует. Судья, по его собственному замечанию, за тридцать лет на скамье думал, что

видел всё; найти процитированные положения не удавалось даже поиском. Полиция признала ошибку и отозвала довод. Дальше — самое интересное для нас: жалоба дошла до омбудсмана, была признана обоснованной, произошедшее названо серьёзным сбоем работы следственного подразделения, полиция выпустила внутренние указания о применении ИИ, а решение направлено генеральному прокурору для выработки общих правил [4].

Прочтите это глазами защитника. Норма в документе процессуального оппонента — последнее, что юрист станет перепроверять: предполагается, что орган власти знает закон, на который ссылается. Предположение больше не работает.

Выдуманный ведомственный акт от органа власти. Март 2026 года, Верховный суд Израиля: муниципалитет в административном споре о предоставлении услуг ребёнку с особыми потребностями сослался на директиву министерства, которой не существует, и на сфабрикованные судебные решения с цитатами. Суд квалифицировал применение непроверенного машинного содержания как **безрассудное** — то есть тяжелее обычной небрежности — и возложил на муниципалитет судебные расходы в тридцать тысяч шекелей [5].

Выдуманные факты дела. Сентябрь 2026 года, Нью-Мексико: в апелляционной жалобе по делу об убийстве появились четверо свидетелей, которых в процессе не было. Этот эпизод разобран в главе 2, и он важен тем, что ссылок

в нём не было вовсе: проверять было нечего, сверять следовало с протоколом.

Галлюцинация в судебном акте. Самое неудобное направление. Судья окружного суда в Оклахоме готовил решение с применением ИИ — в тексте оказались ссылки на два несуществующих дела [6]. В базе судебных актов, о которой ниже, случаи с судьями исчисляются десятками. Что с этим делать процессуально — в главе 9.

И о масштабе. Существует открытая база судебных актов по галлюцинациям ИИ, которую ведёт исследователь Дамьен Шарлотен и которая обновляется ежедневно. На середину сентября 2026 года в ней свыше двух тысяч дел из трёх десятков стран. Распределение по тому, кто применял модель: стороны без представителя — больше половины, юристы — около восьмисот дел, судьи — несколько десятков, эксперты — полтора десятка. Россия представлена единичной записью, Беларусь не представлена вовсе [7].

Последнее стоит перечитать. Три российских дела, разобранных в следующей главе, в мировой трекер попали не полностью, а белорусских записей в нём нет. Это не повод расслабиться, а описание того, на каком участке кривой вы находитесь: там, где практика только начинается, и где каждое следующее дело будет первым.

Стык юрисдикций

Русскоязычная модель обучена на праве нескольких стран сразу. Российские и белорусские нормы написаны на одном языке, происходят от общей основы, регулируют одни институты и часто совпадают почти дословно. Для механизма, предсказывающего правдоподобное продолжение, это худший из возможных наборов условий: подмена проходит **гладко, без швов**.

Три типовые формы, с примерами.

Подмена номера. Убытки возмещаются по статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации и по статье 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Институт один, номера разные. В ответе о белорусском споре модель спокойно назовёт статью 15 — и юрист, знающий российское право, не вздрогнет, потому что номер ему знаком.

Подмена системы судов. В Беларуси нет арбитражных судов: экономические споры рассматривают экономические суды областей и города Минска. Модель, отвечая о белорусском деле, напишет «арбитражный суд» — сочетание настолько привычное, что глаз его пропускает. То же с процессуальным законом: Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь упразднён с 1 января 2026 года вместе с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, их заменил единый Кодекс гражданского судопроиз-

водства Республики Беларусь [2]. Модель, обученная раньше, будет уверенно рассуждать о хозяйственном процессе, которого больше нет.

Ложная симметрия. Самая коварная. Если институт существует в одной юрисдикции, модель склонна предположить его и в другой — так правдоподобнее. Она достроит несуществующую норму по образцу существующей, и вы получите ответ, где всё логично и ничего не соответствует закону. Пример из практики: институт заявления о фальсификации доказательства, знакомый по российскому арбитражному процессу, модель переносит в белорусский как прямой аналог — с той же статьёй и тем же порядком.

Что делать. Ограничивать юрисдикцию в самом запросе — страна, кодекс, редакция, — а не полагаться на то, что модель поймёт из контекста. И относиться к любому ответу о второй юрисдикции как к черновику, требующему сверки по первоисточнику этой страны, а не по аналогии с первой.

Почему уверенность тона ничего не значит

Модель не различает в своём ответе известное и достоверное. Калибровки у неё нет: форма ответа одинакова для факта, который она воспроизводит точно, и для факта, сочинённого секунду назад. Ни оговорок, ни колебаний — понижаться нечему.

Отказ невозможно обнаружить, читая ответ. Его можно обнаружить только внешним источником.

Сколько бы вы ни перечитывали текст и каким бы опытным юристом ни были, признаков подделки в самом тексте нет. Есть правдоподобие, и оно одинаково у правды и у выдумки.

Три вопроса к любому фрагменту прежде, чем он попадёт в документ:

Опирается ли утверждение на внешний факт — или это форма, структура, пересказ? Задачи формы безопасны.

Открыл ли я источник и нашёл ли в нём именно то, что здесь написано?

Не содержался ли желаемый ответ уже в моём вопросе?

Образец: одна галлюцинация целиком

Режимы удобно разбирать по одному, но в жизни они приходят вместе. Ниже — образец, собранный так, как его собрала бы модель: один ответ, в котором сработали четыре режима из шести. Прочитайте его сначала так, как читаете обычный ответ, — быстро и с надеждой, — и только потом переходите к разбору.

Ситуация. Вы представляете поставщика — коммерческую организацию. В первой инстанции о снижении неустойки не заявляли: прежний представитель считал, что до взыскания не дойдёт. Взыскано 4 824 600 рублей. Вы готовите кассационную жалобу и спрашиваете модель, можно ли поставить вопрос о снижении неустойки сейчас.

Ответ модели:

Да, такая возможность есть, и судебная практика её подтверждает. Показательно постановление Арбитражного суда Северо-Уральского округа от 14 июля 2024 г. № Ф19-4417/2024 по делу № А99-52917/2023 (ООО «Кварта-Опт» против АО «Ретикон-Снаб»). Поставщик допустил просрочку на 187 дней по договору стоимостью 8 600 000 рублей; суды двух инстанций взыскали неустойку по ставке 0,3 % в день в размере 4 824 600 рублей. Кассационная ин-

станция отменила судебные акты в части и снизила неустойку в два раза — до 2 142 300 рублей, указав:

«Неприменение судами нижестоящих инстанций положений статьи 333 ГК РФ при очевидной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства является существенным нарушением норм материального права, которое может быть устранено судом кассационной инстанции независимо от того, заявлял ли ответчик о снижении неустойки при рассмотрении дела по существу».

Этот подход согласуется с пунктом 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, допускающим снижение неустойки на любой стадии процесса, если её несоразмерность очевидна из материалов дела. Рекомендую сослаться на это постановление в кассационной жалобе.

Вы переспрашиваете: это дело точно существует? Модель отвечает:

Да, это реальное судебное дело. Его можно найти в картотеке арбитражных дел по номеру.

Всё на месте: суд, номер, дата, стороны, фабула, цифры, цитата в кавычках, опора на Пленум, прямое подтверждение. Ни одного признака сомнения. Такой ответ хочется скопировать в жалобу целиком — и именно поэтому он опасен.

Разбор. Образец намеренно построен так, чтобы ни один его реквизит не мог совпасть с настоящим. В реальных галлюцинациях суд обычно существует, номер оформлен без изъяна, дата приходится на рабочий день, — это делает их

опаснее, а не безопаснее. Здесь дефекты оставлены видимыми, чтобы было на чём показать инструмент.

Элемент

Что не так

Чем ловится

Время

Суд

Арбитражного суда Северо-Уральского округа нет: есть
Уральский и Западно-Сибирский
перечень судов, картотека
минута

Номер производства

индекс Ф19 не соответствует ни одному из десяти арбитражных округов
картотека
входит в ту же минуту

Дата

14 июля 2024 года — воскресенье
календарь
десять секунд

Цитата в кавычках

акта нет, значит, нет и цитаты; гладкость формулировки
— признак сборки, а не подлинности
открыть текст акта
—

Пункт 72 Пленума № 7
акт настоящий, содержание приписано: пункт говорит об-
ратное
текст пункта
две минуты

Цифры
половина от 4 824 600 — это 2 412 300, а не 2 142 300:
цифры переставлены
калькулятор
тридцать секунд

«Да, это реальное дело»
у модели нет доступа к картотеке; подтверждение — про-
должение разговора, а не проверка
не спрашивать
—

По режимам. Суд, номер и сам акт — **выдуманный объ-
ект**, режим первый. Пункт 72 — **приписанное содержа-
ние**, режим второй, и это самая опасная строка таблицы: по-

становление Пленума существует, номер и дата верные, проверка «акт есть» проходит. Между тем пункт 72 говорит, что заявление ответчика о применении статьи 333 ГК РФ «может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции», а во второй — лишь если она перешла к рассмотрению дела по правилам первой инстанции [8]. Цифры — **псевдоарифметика**, режим пятый. Уверенное «да» в ответ на прямой вопрос — **подстройка под собеседника**, режим третий: вы спросили с надеждой, модель эту надежду продолжила.

И главное, что видно только после разбора. Правильный ответ на ваш исходный вопрос — **отрицательный**. Для должника, осуществляющего предпринимательскую деятельность, статья 333 ГК РФ допускает снижение неустойки только по его заявлению, а заявление, не сделанное в первой инстанции, в кассации сделать нельзя [8]. Модель не ошиблась в деталях правильного ответа — она построила подробное, связное и документально оформленное обоснование **противоположного**. Потому что вы спросили, можно ли, а не нельзя ли.

Вся проверка занимает меньше пяти минут. Без неё в кассационную жалобу уходят несуществующий суд, несуществующий акт, приписанная Пленуму позиция и ошибка в арифметике — то есть все основания для штрафа за неуважение к суду, разобранные в следующей главе, в одном аб-

заце.

Шаг третий: вы просите текст. Разумная, казалось бы, мысль — попросить у модели полный текст постановления и прочитать его самому. Модель его напишет. Вот начало и конец того, что она выдаст:

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СЕВЕРО-УРАЛЬСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № Ф19-4417/2024

г. Екатеринбург, 14 июля 2024 г. Дело № А99-52917/2023

Арбитражный суд Северо-Уральского округа в составе председательствующего [фамилия], судей [фамилия], [фамилия] рассмотрел в судебном заседании кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Кварта-Опт» на решение Арбитражного суда Свердловской области и постановление апелляционного суда по делу № А99-52917/2023...

...Неприменение судами нижестоящих инстанций положений статьи 333 ГК РФ при очевидной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства является существенным нарушением норм материального права...

Руководствуясь статьями 286–289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суд

ПОСТАНОВИЛ: решение Арбитражного суда Свердловской области... изменить, взыскать с акционерного общества «Ретикон-Снаб» в пользу общества с ограниченной ответственностью «Кварта-Опт» неустойку в размере 2 142 300

рублей... Постановление вступает в законную силу со дня его принятия и может быть обжаловано в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в срок, не превышающий двух месяцев.

На месте квадратных скобок модель поставила три фамилии. Мы их не воспроизводим, и это не формальность: выдуманные акты нередко приписываются судьям, которые существуют, и тогда подделка получает ещё одного пострадавшего.

Посмотрите, как устроен этот текст. Оформление безупречно: статьи 286–289 АПК РФ действительно служат основанием кассационного постановления, двухмесячный срок обжалования в Судебную коллегию Верховного Суда указан верно. Правильный шаблон работает как печать — и именно под ним лежит выдуманная сердцевина. Внутри она последовательна: та же цитата, что в первом ответе, и та же ошибка в сумме, перенесённая без изменений. Модель согласована с разговором, а не с действительностью.

И новые дефекты, которых не было в первом ответе:

●

Несуществующий суд поселён в Екатеринбург

— туда, где находится настоящий Арбитражный суд Уральского округа. Правдоподобие заимствовано у соседа.

●

Индекс дела не совпадает с судом первой инстанции.

Дело рассматривал Арбитражный суд Свердловской области, а его индекс — А60, а не А99.

Жалобу подал не тот.

Кассационную жалобу подаёт «Кварта-Опт» — истец, в чью пользу взыскана неустойка. Кредитор не просит снизить взысканное в его пользу; просить об этом мог только поставщик, «Ретикон-Снаб». Модель перепутала стороны, но сохранила результат, который вы хотели увидеть.

Чем больше текста, тем убедительнее подделка — и тем больше в ней мест, где она ломается. Но искать эти места приходится вам, а три страницы связного текста с правильным шаблоном к поиску не располагают.

Это не гипотеза. Именно так развивалось дело, с которого мировая практика по галлюцинациям фактически началась, — *Mata v. Avianca*, федеральный суд Южного округа Нью-Йорка. Адвокаты сослались на решения, подобранные ChatGPT. Суд их не нашёл и потребовал представить копии. Адвокат пошёл за копиями к тому же ChatGPT, получил «тексты» решений и заверение, что дела существуют и находятся в крупных правовых базах, — и подал эти тексты в суд. Итог — штраф и установленная судом недобросовестность; об одном из «решений» судья написал, что его юридический анализ бессвязен [9].

Отсюда правило, которое стоит держать отдельно от остальных. **Текст судебного акта получают из карто-**

теки или справочной системы — и больше ниоткуда. Просьба к модели показать текст не проверяет ссылку, а превращает одну выдуманную строку в выдуманный документ, который можно распечатать и приложить. Современные модели, особенно с включённым поиском, чаще оговариваются, что найти акт не могут. Но это зависит от модели, настроек и формулировки запроса, и строить на этом проверку нельзя.

Одно предупреждение, и оно не формальность. Не цитируйте этот образец нигде, даже как «пример из практики»: каждый его элемент, включая текст «постановления», выдуман автором, совпадение наименований организаций случайно. Тексты книг попадают в обучающие данные моделей. Если этот абзац когда-нибудь вернётся к вам из нейросети в виде «постановления Арбитражного суда Северо-Уральского округа», — вы будете знать, откуда он взялся.

Коротко

Модель не извлекает, а предсказывает. Состояния «я не знаю» у неё нет: правдоподобное продолжение существует всегда.

Шесть режимов: выдуманный объект, приписанное содержание, подстройка под собеседника, дрейф контекста, псевдоарифметика, устаревание.

Выдуманная ссылка ловится за минуту в картотеке. Приписанное содержание проходит эту проверку насквозь: дело есть, вывода в нём нет. Сверяется содержание, а не существование.

Один и тот же вопрос даёт противоположные ответы в зависимости от того, что в него заложено. Никогда не спрашивайте у модели, права ли модель.

Ошибка в расчётах почти всегда в периоде, а не в ставке. Сроки пересчитываются независимо всегда.

Настоящая галлюцинация приходит сразу несколькими режимами и отвечает на вопрос так, как вы надеялись. Обра-

зец в конце главы собран из выдуманного суда, приписанного Пленуму содержания и переставленных цифр — и обосновывает вывод, противоположный правильному. Проверка заняла бы пять минут. А на просьбу показать текст модель напишет и сам акт — текст получают только из картотеки.

●

Вторая ось карты — что именно выдумано и кто это принёс. Выдуманной бывает не только ссылка, но и норма в бумаге органа расследования, ведомственная директива, факты дела и свидетели, а также мотивировка судебного акта. Для каждой строки свой инструмент проверки; привычки «открыть картотеку» не хватает.

●

Стык российских и белорусских норм — зона максимального риска: статья 15 вместо 14, «арбитражный суд» вместо экономического, упразднённый хозяйственный процесс. Ограничивайте юрисдикцию в запросе явно.

●

Уверенность тона не является сигналом достоверности. Отказ обнаруживается внешним источником, а не перечитыванием ответа.

Примечания к главе 1

[1] Российская практика 2026 года по судебным штрафам за ссылки на несуществующие судебные акты и за недостоверное цитирование существующих актов приведена с реквизитами в примечаниях к главе 2. Пример вымышленной ссылки в разделе о первом режиме сконструирован автором в иллюстративных целях; совпадение с реальными реквизитами не предполагалось.

[2] Статья 12 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: уведомительный порядок трансграничной передачи введён Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ и действует с 1 марта 2023 года; критерий адекватной защиты уточнён Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 265-ФЗ, изменения которого в части статьи 12 действуют с 26 июля 2026 года. Статья 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях ужесточена Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ с 30 мая 2025 года. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З вступил в силу с 1 января 2026 года, заменив Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы Республики Беларусь. Подробный разбор — в соответствующих главах.

[3] Иностранные судебные акты в этом разделе приведены

как описание механизма отказа. Источниками права в Российской Федерации и Республике Беларусь они не являются и в состязательных документах в этом качестве использоваться не могут.

[4] Магистратский суд Хадеры (Израиль), 13 мая 2025 года: в письменных возражениях полиции против возврата изъятого телефона по делу, расследовавшемуся подразделением «Лахав 433», приведены не существующие в законодательстве положения. Полиция признала ошибку и отозвала довод; суд удовлетворил требование о возврате телефона (с копированием данных). Решением уполномоченного по жалобам на представителей государства в судах от 7 августа 2025 года жалоба признана обоснованной, применение ИИ следователями названо серьёзным нарушением; полиция распространила внутренние указания о применении ИИ, решение направлено генеральному прокурору для выработки общих правил. Приведено по публикациям The Times of Israel, Ynet и Globes.

[5] Верховный суд Израиля, административная апелляция № 63194-08-25 (Cohen v. Ramat Gan Municipality), решение марта 2026 года (22 или 23 марта по разным публикациям): муниципалитет сослался на не существующую директиву министерства образования и на сфабрикованные судебные решения с цитатами; применение непроверенного машинного содержания квалифицировано как безрассудное, на муниципалитет возложены расходы в размере 30 000 ше-

келей. Приведено по публикациям law.co.il и Pearl Cohen.

[6] Окружной суд округа Стивенс, штат Оклахома, 2026 год: подготовленное с применением ИИ решение содержало ссылки на два несуществующих дела; обстоятельства проверялись бюро расследований штата. Приведено по обзору *The Volokh Conspiracy* (reason.com) от 14 сентября 2026 года.

[7] AI Hallucination Cases Database (damiencharlotin.com/hallucinations) — открытая база судебных актов по галлюцинациям ИИ, обновляется ежедневно. Приведённые показатели соответствуют состоянию базы на середину сентября 2026 года и с тех пор изменились: перед использованием цифр в документе их следует уточнить по самой базе.

[8] Пункт 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: заявление ответчика о применении статьи 333 ГК РФ может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции, если он перешёл к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции. Пункт 73 того же постановления: бремя доказывания несоразмерности неустойки возлагается на ответчика. Абзац второй пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса РФ: если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления долж-

ника о таком уменьшении.

[9] *Mata v. Avianca, Inc.*, № 1:22-cv-01461, Федеральный окружной суд Южного округа Нью-Йорка (S.D.N.Y.), судья П. К. Кастел; санкции наложены 22 июня 2023 года: штраф 5 000 долларов США, установлена субъективная недобросовестность адвокатов (правило 11 Федеральных правил гражданского судопроизводства). По требованию суда представить копии решений адвокат получил их «тексты» от ChatGPT вместе с заверением, что дела существуют и доступны в LexisNexis и Westlaw. Акт иностранного суда приведён как иллюстрация механизма и источником права в России и Беларуси не является.

Глава 2. Отвечает подписавший

Полгода, которые закрыли вопрос

До недавнего времени разговор об ответственности за ошибку ИИ был разговором в сослагательном наклонении. Мы ссылались на американские истории, спорили, применимы ли они к нашему правопорядку, и сходились на том, что своей практики пока нет. Практика появилась — за одно полугодие, тремя актами.

Май 2026. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа своим определением налагает судебный штраф в 50 000 рублей за кассационную жалобу по делу о взыскании долга за бухгалтерские услуги. В жалобе приведены ссылки на постановления Президиума ВАС РФ, определения Верховного Суда РФ и акты окружных судов с дословными цитатами из них. Подлог вскрылся при проверке реквизитов; представители признали, что документ готовила нейросеть [1].

Август 2026. Суд по интеллектуальным правам определением налагает судебный штраф на ответчика — индивидуального предпринимателя, — чей представитель сослался в кассационной жалобе на несуществующие судебные акты и привёл недостоверные цитаты. Объяснение, что документ готовился с помощью искусственного интеллекта, от ответ-

ственности не освободило [2].

Сентябрь 2026. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обнаруживает в отзыве представителя кредитора по делу о банкротстве ссылку на пункт постановления Пленума ВС РФ, которого не существует. Коллегия приходит к выводу о необходимости рассмотреть вопрос о наложении судебного штрафа — на кредитора за недобросовестное затягивание дела и **отдельно на его представителя лично** за неуважение к суду, выразившееся в фальсификации судебной практики в подготовленных им процессуальных документах. Для проверки связанных с этим фактических обстоятельств дело возвращено в суд первой инстанции [3].

И формулирует правило, ради которого стоит перечитать эту главу дважды:

Подготовка сторонами своей правовой позиции с использованием программного обеспечения осуществляется **на свой риск** и должна в любом случае сопровождаться проверкой достоверности полученных результатов [3].

Двадцать три слова. Выучите их дословно: это первая формулировка стандарта, данная Верховным Судом, и до появления специальной нормы именно на неё будут ссылаться — и суды, и ваши процессуальные оппоненты.

Обратите внимание на три вещи. Каждая меняет расстановку.

Первое: стандарт сформулирован через риск, а не

через вину. «На свой риск» означает, что вопрос «я же не знал, что она выдумывает» юридически не задаётся. Инструмент выбрали вы; распределение рисков от его применения — тоже на вас.

Второе: квалификация. Не «ошибка» и не «недобросовестное ведение дела», а неуважение к суду и умышленная попытка ввести суд в заблуждение. Разница принципиальна: ошибка обсуждается, умысел карается.

Третье: адресат санкции сместился. В майском и августовском делах штраф наложен на сторону, а не на юриста, готовившего документ. На мой взгляд, это спорный выбор: платит тот, кто ссылки не выдумывал, а автор документа остаётся вне санкции — сменив представителя, сторона результата не изменит. Сентябрьское определение ВС впервые ставит вопрос о штрафе **лично на представителя**, и процессуальных препятствий к этому нет: суд вправе оштрафовать не только лиц, участвующих в деле, но и иных присутствующих в зале заседания лиц за проявленное неуважение [4]. Пока вопрос возвращён на проверку в первую инстанцию — но направление обозначено, и обратного движения у него не будет.

Дальше — механика: кто ещё мог бы заплатить и почему не заплатит, по каким каналам санкция приходит и что вам придётся доказывать.

Перебор кандидатов

Интуиция подсказывает, что у ошибки машины должен быть другой ответчик: тот, кто машину сделал, или тот, кто согласился на её применение. Проверим обе версии до конца — на них держится большинство самоуспокоительных рассуждений.

Разработчик модели

Откройте пользовательское соглашение любого крупного ИИ-сервиса и найдите раздел об ответственности. Вы прочитаете там три вещи: результаты могут быть неточными и не являются профессиональной консультацией; сервис предоставляется «как есть»; совокупная ответственность поставщика ограничена суммой, которую вы ему заплатили за ограниченный период, — причём формула обычно устроена как «большее из двух»: либо платежи за предшествующие шесть или двенадцать месяцев, либо фиксированный минимум порядка ста долларов [11].

Юрист, привыкший к тому, что ограничение ответственности не работает против умысла и грубой неосторожности, скажет: такая оговорка в этой части ничтожна. Верно — и практически бесполезно. За оговоркой стоят ещё три барьера, и каждый убивает иск раньше, чем начнётся спор о её действительности.

Применимое право и подсудность. Соглашение отсылает к праву иностранного государства и к арбитражу или судам по месту нахождения поставщика. Стоимость такого процесса несопоставима с суммой вашего убытка.

Разрыв причинной связи. Даже если допустить рассмотрение по существу, между сгенерированным текстом и убытком доверителя стоит ваше собственное профессио-

нальное действие: вы прочли, оценили, подписали. Это самостоятельное волевое звено.

Природа продукта. Модель не обещала достоверность — она прямо предупредила об обратном, в документе, который вы акцептовали. Требовать качества, от которого поставщик письменно отказался, в договорной логике нечего.

Посчитайте потолок в деньгах, и вопрос закроется окончательно. Профессиональная подписка стоит порядка двадцати–тридцати долларов в месяц. При двенадцатимесячном периоде это двести сорок — триста шестьдесят долларов, при шестимесячном — вдвое меньше. Это максимум в самом благоприятном сценарии — после процесса в иностранном арбитраже, стоимость которого начинается с пятизначных сумм в той же валюте. Соотношение сообщает всё необходимое о перспективах.

Практический вывод: **на регресс к вендору рассчитывать нельзя.** Теоретически конструкция мыслима — ничтожность ограничения в части умысла и грубой неосторожности обсуждаема. Практически ни один из трёх барьеров вы не пройдёте в разумный срок и за разумные деньги. Стройте защиту, исходя из этого, а не из надежды когда-нибудь разделить убыток.

Доверитель

Вторая версия изящнее: клиент знал, что мы применяем ИИ, и согласился, — значит, принял и риск.

Не принял. По договору возмездного оказания услуг заказчик покупает не инструмент, а деятельность исполнителя, которую тот обязан осуществить лично [5], [7]. Согласие на средство исполнения не является согласием на снижение стандарта качества — ровно так же, как согласие клиента на то, что вы пользуетесь справочной правовой системой, не переносит на него риск неверного прочтения нормы.

Более того, соблазнительное условие вида:

Исполнитель не несёт ответственности за неточности, возникшие вследствие применения технологий искусственного интеллекта при подготовке материалов.

опасно вдвойне. Для адвоката оно проблемно этически: стандарт профессиональной заботливости не предмет торга с доверителем. Для любого юриста это прямое доказательство того, что вы знали о риске, оценили его и решили переложить вместо того, чтобы устранить. В споре оно сработает против вас.

Остаётся подписавший

За ошибку ИИ отвечает юрист. В отношениях с доверителем, судом и адвокатской палатой — всегда. Не как моральный императив, а как результат перебора: больше некому. Разработчик, как правило, закрыт условиями сервиса и иностранной подсудностью, доверитель — природой обязательства, а между машиной и последствием стоит ровно одно лицо, совершившее осознанное действие.

Отсюда единственная хорошая новость главы: раз ответственность неделима, управление ею целиком в ваших руках.

Четыре канала

Ошибка, пропущенная в документ, приходит не одним путём, а четырьмя, и они друг друга не исключают. По одному эпизоду можно получить все четыре.

Канал первый: процессуальный

Самый быстрый и, как показал 2026 год, самый вероятный. Судебный штраф налагается определением: без отдельного иска, без доказывания убытков, без участия доверителя. Достаточно факта — в документе приведена ссылка на несуществующий акт или на акт, не содержащий приписанного ему вывода.

Пределы известны заранее. В российском арбитражном процессе часть 1 статьи 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает: на граждан — не более пяти тысяч рублей, на должностных лиц — не более тридцати тысяч, на организации — не более ста тысяч, если иное не предусмотрено той же статьёй [4]. В белорусском процессе меры процессуального воздействия установлены Кодексом гражданского судопроизводства Республики Беларусь и по размерам с российскими не совпадают. Пятидесятитысячный штраф мая 2026 года — половина потолка для организации; запас у судов есть, и он не выбран.

Отсюда вывод, который следует не из отдельной нормы, а из самой конструкции части 1 статьи 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: **размер санкции задаётся процессуальным положением нарушителя, а не тяжестью нарушения.** Одно и то же поведение — выдуманные ссылки в кассационной жалобе — стоит ор-

ганизации до ста тысяч, а гражданину или индивидуальному предпринимателю не более пяти. Именно этим объясняется разрыв между суммами в майском и августовском делах.

Вторая половина формулы нарушения шире, чем кажется. Практика прямо охватывает случай, когда акт существует, но приведённое из него суждение в нём отсутствует. Это «почти настоящая» подделка — реальный номер дела, реальная инстанция, выдуманное содержание. Проверка «дело существует» её не ловит. Ловит только сверка содержания.

И второе следствие: процессуальный канал не требует ни убытков, ни жалобы клиента. Ваш доверитель может остаться полностью доволен исходом дела, а штраф — прийти.

Канал второй: договорный

Требование доверителя о возмещении убытков [5], [7]. Медленнее, доказывать сложнее — нужны и убыток, и причинная связь, — но потолок здесь не установлен размером штрафа.

Практически значимый нюанс: применение ИИ меняет не основание иска, а **доказательственную картину**. Истец получает удобный нарратив — исполнитель передоверил работу программе. Ваша защита состоит в том, чтобы показать обратное, и показать документально.

Канал третий: дисциплинарный

Для адвоката — самый тяжёлый по последствиям. В России он опирается на установленную законом обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права доверителя и на требование Кодекса профессиональной этики адвоката исполнять свои обязанности квалифицированно [6]. В Беларуси — на Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» и Правила профессиональной этики адвоката [8].

Дисциплинарное производство не связано ни с процессуальным штрафом, ни с иском доверителя. Поводом может стать частное определение суда, публикация в профессиональном издании или обращение любого лица, узнавшего об эпизоде.

Отдельно — тайна. Загрузка материалов доверителя в публичный ИИ-сервис затрагивает не только качество услуги, но и адвокатскую тайну как таковую [6], [8]. В российской профессиональной дискуссии этот риск на уровне ФПА назван прямо: большинство серверов находится за рубежом, и это порождает самостоятельный слой вопросов — о судьбе переданных сведений и об ответственности за них [10]. Механика защиты разбирается в следующей главе; здесь достаточно зафиксировать, что это отдельное основание ответственности, не поглощаемое вопросом о достоверности.

Канал четвёртый: репутационный

Формально не ответственность, фактически — самая дорогая её часть. Все три эпизода 2026 года разошлись по профессиональным изданиям в течение суток. Судебные акты публичны, картотека открыта, а сюжет «юрист принёс в суд выдуманную практику» сохранит новостную ценность ещё год-два, пока не станет рутиной.

Процессуальный штраф измеряется десятками тысяч. Стоимость публикации с вашей фамилией — нет.

Все четыре сразу

Три эпизода выше показывают каналы по отдельности. Чтобы увидеть их одновременно, придётся выйти за пределы обеих наших юрисдикций — и сразу оговорю: чужой судебный акт не создаёт у нас ни нормы, ни практики. Переносится не вывод суда, а устройство отказа.

Летом 2026 года Верховный суд штата Нью-Мексико рассмотрел поведение адвоката, подавшего апелляционную жалобу по делу об убийстве первой степени. Материалы процесса он загрузил в ChatGPT, чтобы получить сводку. В жалобу вошли показания четырёх свидетелей, которых в деле не было — суд перечислил их поимённо, — и показания, приписанные свидетелям реальным, включая вымышленное описание одежды стрелявшего [12].

Остановитесь на этом описании. Здесь нет ни одной ссылки на норму или судебный акт — то есть нет и того, что проверяется по справочной системе. Оба режима из главы 1 сработали не на праве, а на **фактах дела**: несуществующий объект стал несуществующим свидетелем, приписанное содержание — показаниями, которых свидетель не давал. Свежать пришлось бы не картотеку, а протокол судебного заседания. Юрист, дисциплинированно проверяющий каждую ссылку, этот отказ не поймал бы: проверять было нечего.

Теперь о каналах. По одному документу сработали все че-

тыре. Процессуальный: штраф пять тысяч долларов и признание в неуважении к суду. Дисциплинарный: направление материалов в дисциплинарный совет штата и отстранение от дел в этом суде на время разбирательства. Доверитель: поданные жалобы аннулированы, назначен новый защитник — по делу об убийстве, где счёт идёт на годы жизни. Репутационный: сюжет разошёлся по мировым лентам в течение суток, с фамилией.

И реплика одной из судей, ради которой эпизод стоит помнить. На объяснение адвоката, что он не знал о способности модели выдумывать, последовал вопрос: смотрите ли вы новости, слушаете ли радио, читаете ли вообще что-нибудь о происходящем в мире [12].

Это и есть дата окончания защиты «я не знал». В российском процессе то же сказано суше — формулой Верховного Суда о подготовке позиции **на свой риск**. Разница в интонации, не в существе.

Если ошибка уже в деле

Самая неприятная страница книги. Документ подан. Вы перечитали его по правилу из главы 7 и обнаружили ссылку, которой не существует, либо настоящий акт с приписанным выводом. Заседание через неделю.

Вариантов ровно три, и они неравноценны.

Промолчать и надеяться. Худший. Не потому, что нечестно, а потому, что вы отдаёте инициативу: если ссылку найдёт суд или оппонент, любое объяснение будет звучать как оправдание. Именно попытка списать выдуманные ссылки на техническую ошибку превратила один из эпизодов 2026 года из небрежности в неуважение к суду.

Дождаться вопроса и ответить. Приемлемо, но хуже инициативы. Готовьтесь заранее: держите перечень всех ссылок документа с отметками о проверке и готовую замену для дефектной — норму или акт, подтверждающие ту же позицию. Отвечайте фактически, без эмоций: ссылка не подтвердилась при проверке, позиция подтверждается таким-то источником, прошу его учесть.

Исправить самому. Правильный. Подайте письменные пояснения или уточнённую редакцию соответствующего раздела, прямо указав, что ссылка исключается, и приведя замену. Не оформляйте это как «уточнение опечатки» и не переподавайте документ задним числом: расхождение дат и

редакций заметно, и оно превращает исправимую небрежность в попытку скрыть.

Процессуальная ценность такого шага в одном: **самостоятельное исключение ссылки снимает признак, за который наказывают, — умышленность.** Штрафы 2026 года налагались за неуважение к суду и введение его в заблуждение; сторона, пришедшая с исправлением сама, в заблуждение никого не вводила.

Три технических правила.

Проверьте остальные ссылки того же документа прежде, чем идти с исправлением. Приходить дважды хуже, чем один раз с полным списком.

Не убирайте дефектную ссылку молча. Если она просто исчезнет из новой редакции, оппонент сопоставит версии и заявит о сокрытии. Лучше назвать прямо.

Зафиксируйте, когда и как обнаружили. Дата файла с пометкой о проверке показывает, что исправление — результат вашей процедуры, а не реакция на чужой вопрос. Это разница между добросовестностью и испугом.

И отдельно — доверителю сказать нужно, до заседания. Формула простая: при контрольной проверке материалов один из источников не подтвердился, позиция не меняется, замена подготовлена, о результате сообщу. Доверитель, узнавший это от вас, обсуждает с вами процесс. Доверитель, услышавший это в заседании, обсуждает вас с адвокатской палатой.

Беларусь: отсутствие практики не является защитой

Прямых судебных актов, аналогичных российским, в Беларуси на момент написания этой главы я в открытых источниках не нашёл. Это не означает, что их нет: доступ к белорусской судебной практике устроен иначе, и отсутствие публикации не равно отсутствию акта. Отсюда иногда делают вывод, что тема преждевременна. Вывод неверен по трём причинам.

Нормы уже есть. Для наступления ответственности не требуется специальная норма об ИИ. Работают общие: качество юридической помощи, личное исполнение обязательства, возмещение убытков [7], обязанность адвоката квалифицированно оказывать помощь и сохранять тайну [8]. Инструмент, которым подготовлен документ, не создаёт нового состава и не исключает существующего.

Процессуальная рамка обновилась. С 1 января 2026 года в Беларуси действует Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь, заменивший Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы Республики Беларусь и установивший единый порядок рассмотрения дел в судах общей юрисдикции и экономических судах. Меры процессуального воздействия в нём сохранены

[9]. Это не норма об ИИ — это среда, в которой небрежно подготовленный документ теряет ход быстрее, чем прежде, и в которой практика по новым правилам только формируется. Первым делам о выдуманных ссылках предстоит эту практику и задать.

Российские акты станут аргументом. Не источником права — но аргументом. Представитель противной стороны, желающий дискредитировать ваш документ, приведёт определение ВС РФ от 3 сентября 2026 года не как обязательное, а как свидетельство сложившегося профессионального стандарта. Возражать против того, что проверка источников — обязанность подписавшего, будет нечем.

Практический режим для тех, кто работает в обеих юрисдикциях: **держите стандарт по более строгой.** Разрыв между требованиями двух стран сокращается не годами, а месяцами, и сокращается за счёт ужесточения более мягкой из них.

Что именно вы будете доказывать

Перейдём от риска к защите — с вопроса, который в общих руководствах не ставится вовсе: что конкретно придётся доказать, когда вопрос встанет?

Не то, что вы были осторожны. Не то, что вы вообще-то всегда проверяете. А три факта:

что итоговое суждение принял человек, а не программа;

что каждый источник, попавший в документ, был открыт и сверен по содержанию;

что доверитель знал об используемых методах работы.

Ни один из трёх не восстанавливается задним числом. Все три оставляют следы только в момент работы — или не оставляют вовсе.

Инструмент первый: след проверки

Черновик отдельным файлом. Результат работы ИИ сохраняется в папку дела как самостоятельный документ — «черновик_ИИ_[дата]» — и не затирается финальной версией.

Здесь же — приём, который многие недооценивают как устаревший: **распечатайте черновик и правьте на бумаге.** У него три достоинства сразу. Во-первых, на бумаге ошибки видны иначе: экранное чтение скользит по гладкому тексту, а машинный текст гладок по определению — именно этим он и опасен. Во-вторых, правка от руки физически замедляет: вы не можете «принять» абзац одним нажатием, каждую формулировку приходится переписать. В-третьих, распечатка с датой и вашими пометками — это самостоятельный документ, который сложно создать задним числом, в отличие от файла. Юристы старшего поколения делали так всегда; с приходом машинных черновиков привычка вернула себе практический смысл. Разница между черновиком машины и вашим итоговым документом есть материальное доказательство вашего участия: вот что предложил инструмент, вот что сделал специалист. Чем больше расхождение, тем красноречивее файл. Показательный побочный эф-

фект: юристы, начавшие вести такие файлы, обнаруживают, что правят машину сильнее, чем им казалось.

Пометки о проверке. Так выглядит папка поручения у юриста, которому нечего объяснять:

2026-03-14_отзыв_черновик-ИИ.docx 2026-03-14_отзыв_v2_после-правки.docx 2026-03-15_отзыв_итог.docx
2026-03-15_проверка.txt — «Ссылки (4) проверены по справочной системе 15.03.2026, содержание сверено. Расчёт неустойки пересчитан независимо, расхождение в 4 дня устранено.»

Десять секунд на документ. В споре эти пометки превращаются в хронологию должной осмотрительности — ту, которую нельзя сочинить после предъявления претензии, потому что метаданные файлов и переписка её опровергнут.

Существенные решения — письменно. Выбор стратегии, отказ от варианта, предупреждение о риске фиксируются письмом или меморандумом доверителю. Правило старше всякого ИИ; новые инструменты просто повысили его цену.

Инструмент второй: прозрачность

С доверителем. Короткое условие в соглашении: исполнитель применяет технологии искусственного интеллекта как вспомогательный инструмент; конфиденциальные сведения передаются только обезличенными; все результаты проверяются юристом лично; объём ответственности исполнителя при этом не изменяется. Последняя оговорка обязательна: без неё весь пункт оборачивается против вас.

Опасение, что такой пункт отпугнёт клиента, эмпирически не подтверждается: недосказанность отпугивает сильнее.

Больше того, начинает складываться обратная практика. Доверители — прежде всего корпоративные, привыкшие считать бюджет на внешних юристов, — сами просят показать, где и как применялся ИИ и что это дало по времени. Логика клиента проста: он не против инструмента, он против того, чтобы платить прежние часы за работу, которая стала быстрее. Отчёт, в котором видно, какие этапы ускорились, а какие остались ручными, снимает этот вопрос до того, как он превратится в претензию.

Если такой запрос поступил, отвечать на него стоит охотно и с одной оговоркой, которую нужно проговорить прямо: применение инструмента не перераспределяет ответственность. Клиент получает прозрачность процесса и выигрыш во времени, юрист остаётся единственным, кто отвечает за

результат. Именно в такой связке прозрачность работает на вас, а не против. Использование ИИ, обнаруженное доверителем самостоятельно, выглядит как то, что от него скрывали, — и переводит спор из плоскости качества в плоскость доверия, где защищаться намного труднее.

С судом. В профессиональной дискуссии всё отчётливее звучит требование гласности: сторона, применявшая ИИ при подготовке материалов, должна об этом заявить. Нормативно такая обязанность не закреплена, и я не советую декларировать применение ИИ в каждом документе — это создаст ложное впечатление, что документ машинный. Но я советую **быть готовым ответить на прямой вопрос суда**: спокойно, без запирательства, с указанием на то, что все источники проверены лично, и с возможностью это подтвердить. Именно попытка списать выдуманные ссылки на техническую ошибку превратила эпизод в деле СИП из небрежности в неуважение.

Внутри фирмы. Если вы работаете не один, всё перечисленное должно существовать как регламент, а не как ваша личная привычка: светофор данных, обязательные протоколы проверки, ведение следа, персональная ответственность подписанта. Без регламента стандартом практики становится самое слабое звено — и им оказывается не самый младший, а самый занятой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.